

Цель работы — историческая реконструкция женского шляхецкого костюма в рамках научно-исследовательского проекта «Историческая реконструкция аттрактивных элементов музея-усадьбы А. Мицкевича в Заосье (Барановичский район)».

Было поставлены следующие задачи:

- провести изучение документальных источников, прежде всего поэмы А Мицкевича «Пан Тадеуш» и гравюры Андриолли и выявить элементы костюма;
- технологическое описание костюма и его пошив.

В поэме «Пан Тадеуш» было выделено следующее описание костюма Зоси:

*Ці Зосі ўрадзіў хто адзецца так сягоння,
Ці падказаў інстынкт (дзяўчына адгадае)
Заўсёды, што ёй лепш да твару прыпадае),
Сказаць даволі, што, хоць Талімэнай зрання
Яна была аблаяна за гэта ўбранне,
Адмовілася з плачам ад сукенкі моднай
І гэтак засталася ў вопратцы народнай.
Спаднічку мела беленькую пад кароткай
Зялёнаю сукенкай з яснаю абводкай.
Зялёны быў гарсет, прыгожа вышываны
І стужкамі ружовымі зашнураваны,
Дык грудзі выглядалі, як бутоны кветак.
З плячэй рукаўкі белья свяцілі гэтак,
Як крыллі матыля, стрыманага ў разгоне.
Ружовы каснічок сціскаў іх ля далоні,
А шыя сціснута прыгожай белай блузкай,
Каўнер якой абышыгы стужачкаю вузкай.
У вушках завушнічкі з костачак ад вішні,
Якімі Сак Дабрынскі даў быў доказ лішні
Сваіх пачуццяў к Зосі (Сак на іх умелы
Вырэзваў спраўна сэрцы, ўздзетыя на стрэлы).
На шыі навесаюць два шнуркі бурыштыну,
На галаве ляжыць вяночак з размарыну [1, с. 247].*

На основании литературного описания, а также изучения гравюры Андриолли, которая была первой иллюстрацией поэмы, было определено, что свадебный костюм Зоси состоял из верхней и нижней юбок, блузки, фартуха, жилета. Дополнял костюм головной убор — веночек из розмарина и две нити бус из янтаря. Блузка белая с широкими, длинными рукавами, приспособленными внизу и украшенных розовой лентой. Под отложным воротником завязан розовый бант. Под зелёной короткой юбкой, сделанной из тонкой шерсти с розовой обводкой по низу, находилась длинная широкая нижняя белая юбка. Фартук белый, приспособленный на талии с отделкой по низу мерешкой, вышит крестиком. Жилет с отрезной баской подчёркивал тонкую талию, был изготовлен из зелёной шерстяной ткани, отделан розовой лентой, спереди со шнуровкой.

Для приобретения материалов для костюма был организован благотворительный сбор средств, в котором с большим интересом и энтузиазмом приняли участие студенты БарГУ.

Презентация костюма перед студентами и профессорско-педагогическим составом университета состоялась 22 января 2009 года.

Список источников

1. *Мицкевич, А.* Пан Тадеуш, або Апошні наезд у Літве: Шляхец. гісторыя 1811-1812 гг. у 12-ці кн. вершам / Пер., камент. Я. Семяжона; Прадм. К. Цвіркi / А. Мицкевич. — Мінск : Маст. літ., 1998. — 367 с.

О. В. Голуб

Научный руководитель – А. В. Литвинский
Барановичский государственный университет,
г. Барановичи, Республика Беларусь

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫЧЕСКИЕ БОГИ И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В ДРЕВНЕГЕРМАНСКОЙ МИФОЛОГИИ

В данной статье рассматриваются вопросы германо-славянских мифологических связей, существовавших в древности.

В качестве предмета исследования выбраны одни из наиболее почитавшихся в древности персонажей славянской мифологии — боги Перун и Велес, образы которых имеют явные параллели в

древнегерманских (скандинавских) преданиях. Данная проблема в недостаточной степени изучена в науке, что дает основания для утверждения об относительной новизне рассматриваемой проблематики. Целью исследования является выяснение степени близости данных персонажей с соответствующими образами древнегерманской языческой религии. Задачи исследования определяются его целью и включают в себя комплексный анализ археологических, лингвистических и фольклорно-этнографических источников, обладающих достаточной информативностью для достижения цели. Методология исследования базируется на принципах научной объективности и историзма. В процессе работы были использованы сравнительно-исторический и структурно-функциональный методы.

В исторической науке принято считать, что предками славян, балтов и германцев были племена археологической культуры шнуrowой керамики, заселившие в конце III — первой половине II тысячелетия до н. э. просторы Европы от Волги до Рейна [2, с. 65]. Объединенные общим индоевропейским происхождением и оказавшиеся в схожих условиях проживания, эти племена и сформировавшиеся на их основе народы и в дальнейшем активно взаимодействовали. В качестве примера подобного взаимодействия можно привести факт распространения оставленной германскими племенами готов и гепидов вельбарской культуры, занимавшей смежные территории с ареалом проживания славян и балтов, в том числе и территорию Юго-Западной Беларуси [2, с. 94—95, 104]. Разумеется, все эти факторы: общность происхождения, близость ареалов расселения, типологически похожие условия жизнедеятельности — оказали немалое влияние на мифологические представления славян и германцев.

Если рассматривать образ Перуна, то следует отметить, что наиболее близким к нему окажется образ древнегерманского бога Тора (Донара) [1, с. 404—406; 3, с. 438—439, 545—546]. И тот, и другой считались богами грозы. Им обоим был посвящен одинаковый день недели — четверг (не отсюда ли русская поговорка «После дождичка в четверг»?) [3, с. 439, 545]. К примеру, у полабских славян четверг назывался «днем Перуна», а в современном английском языке слово *Thursday* («четверг») дословно означает ничто иное как «день Тора». Определенное соответствие наблюдается и во внешнем облике божеств — в связи с этим можно сравнить рыжую бороду Тора и золотые усы Перуна. Атрибутами обоих громовержцев были камни и каменные топоры. Правда, если славянская мифология акцентировала внимание на функцию Перуна как метателя стрел-молний (отсюда определение каменных топоров в качестве «Перуновых стрел»), то в скандинавской мифологии основным орудием Тора считался молот и, следовательно, акцент делался на громовой эффект [1, с. 375—376; 3, с. 546].

Совпадает у обоих персонажей мифологии и основная функция: защита богов и людей от порожденных Хаосом демонических существ, зачастую змееподобных (драконов). Однако, в отличие от Перуна, Тор не считался покровителем воинской дружины, уступив выполнение этой функции самому почитаемому богу скандинавской мифологии — Одину [3, с. 410—411].

Прямого этимологического соответствия между именами Перуна и Тора нет. Однако необходимо вспомнить, что второе имя Перуна — Дундер. Под таким названием Перун известен, кстати, и в некоторых местностях Беларуси: на Слонимщине, на Мядельщине (региональные варианты — Дундар, Дундаль) [1, с. 157]. Серболужицкую поговорку о храпящем Дундере исследователи рассматривают как указание на раскаты грома [3, с. 438]. Можно предположить, что данное имя собственное родственно английскому *thunder* — «гром».

Непосредственно с именем Перуна связано имя матери Тора — богини Фьёргюн [3, с. 439, 578]. В данном случае этимологическое родство не вызывает сомнений. Естественно, по мере становления германцев и славян в качестве самостоятельных этносов их мифологические системы приобретали черты различия. Поэтому неудивительно, что близкими по происхождению словами в германском язычестве названо женское божество, а в славянском — мужское. Эти же корни видны в следующей паре: Перынь (древнее святилище Перуна недалеко от Новгорода) — *fairguni* (в переводе с готского языка — «скала»). Связано это с тем, что Перуна почитали на возвышенностях [1, с. 405; 3, с. 438—439].

В отличие от Перуна, еще один из наиболее почитавшихся в древности славянских богов, Велес, пожалуй, не имеет столь явно соответствующего персонажа в древнегерманской мифологии. Причина этого заключается в многогранности функций Велеса: он считался властителем земных и подземных вод, «скотьим богом» (покровителем домашних животных, да и, по-видимому, диких тоже), опекуном богатства, а в более широком смысле — всяческого преуспевания, в том числе и семейного, «ответственным» за общинно-родовую организацию, божественным меценатом поэтов и певцов, наконец, богом загробного мира [1, с. 100—102]. Как богу плодородия и богатства, ему соответствовали скандинавские боги Ньёрд и Фрейр [3, с. 406, 576].

Интересно сопоставление функций Велеса с функциями уже упомянутого Одина (Водана, Вотана) [3, с. 410—411]. Как и Велес, Один происходит из «Нижнего мира», является покровителем жрецов и поэтов, гарантом клятв, опекуном мертвых (правда, в случае с Одином, не всех, а только павших на поле битвы). Волк считался животным как Велеса, так и, в особенности, Одина.

Имя Велеса имеет этимологические параллели в скандинавской мифологии. Здесь уместно отметить, что само это имя восходит к индоевропейскому корню **vel-/ *vil-/ *vol-* со значением «мир умерших» [1, с. 104]. Как известно, в скандинавской мифологии девы-*валькирии* уносят души павших воинов в *Вальхаллу* — своеобразный языческий рай. Оба эти слова имеют то же происхождение, что и слово «Велес» [3, с. 112, 113].

Образы других славянских языческих богов возникли в мифологическом сознании в более позднее время. Они, в отличие от образов Перуна и Велеса, не имеют очевидных соответствий в древнегерманской мифологии. Однако и приведенных примеров достаточно, чтобы сделать следующие выводы:

- 1) и славянская, и германская мифология имеет единые индоевропейские истоки;
- 2) образы наиболее почитаемых славянских богов – Перуна и Велеса – имеют отчетливые этимологические и типологические соответствия в скандинавской мифологии;
- 3) в процессе исторического развития мифологические системы древних славян и древних германцев, сохранив индоевропейскую основу, приобрели также и определенные черты различия.

Список источников

1. Беларуская міфалогія: Энцыклапед. слоўн. / С. Санько [і інш.]; склад. І. Клімковіч. – 2-ое выд., дап. – Мн.: Беларусь, 2006. – 599 с. : іл.
2. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 1. Старажытная Беларусь: Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. / Рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. – Мн.: “Экаперспектыва”, 2000. – 351 с. : іл.
3. Мифология. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. – 4-е изд. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. – 736 с.

С. В. Заневский

Научный руководитель — А. Н. Нечухрин
Гродненский государственный университет им. Я. Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь

ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗАПАДНО-БЕЛОРУССКОГО ДВОРЯНСТВА В ПРОЕКТЕ И. О. КОРВИН-МИЛЕВСКОГО

В начале XX столетия Российская Империя вступила в стадию продолжительного кризиса, который затронул все стороны жизни общества. В первую очередь это коснулось дворянства, которое переживало кризис идентичности [1, с. 51]. Именно в среде высшего сословия велась оживлённая полемика о путях преодоления сложившейся ситуации и дальнейшего развития страны. Для белорусской шляхты в этот период в очередной раз обострился кризис своей идеологической принадлежности. Решению этого вопроса и посвятил свой труд виленский шляхтич Игнатий Оскар Корвин-Милевский, работа которого ранее в исторической науке подробно не рассматривалась. Изучению данного произведения как выразителя взглядов современников и посвящена данная статья.

Сочинение Игнатия Корвин-Милевского имеет программный характер и предлагает целый ряд мероприятий по восстановлению роли и имиджа местной «литвинской» шляхты в глазах царского самодержавия. Работа направлена против выразителей польских интересов в крае, отмечая, «что все бедствия, постигшие Литву со времени 1831 года, мы обязаны отнести к тому, что многие литовские дворяне следовали пагубным для них советам польских демагогов» [3, с. 5–6]. Отличительной её особенностью является то, что она выражает взгляды, в целом не характерные для жителей Западных губерний Империи, а скорее отражает интересы центральной администрации. На западных рубежах Российской империи, Виленской и Гродненской губерниях, в особенности, среди представителей местной шляхты доминировали в то время пропольские настроения [2, с. 4]. В гегемонии поляков автор видел главную проблему здешней шляхты, и намеревался произвести решительную реформу в его мировоззрении. Для достижения этой цели автор предлагает сосредоточить внимание на решении нескольких вопросов, а именно:

- Сословного самосознания.
- Гражданских правах дворянства.
- Воспитании шляхетской молодёжи [3, с. 8].

В решении первого вопроса автор делает исторический экскурс и анализирует сложные взаимоотношения представителей польской и литовской шляхты. Победа полонизации, по его мнению, состоялась с признанием господства польского языка (1697 г.), и длилось до польских разделов. «Эти 75 лет безусловного господства польского языка, — по мнению автора, — наложили навсегда неизгладимый отпечаток польской культуры на всё наше здешнее дворянство» [3, с. 13]. С разделами Речи Посполитой польское влияние на здешнюю шляхту не только не угасло, но и усилилось. «Император Александр I не только ничего не предпринял против дальнейшей полонизации Литвы, но явно оказывал покровительство полякам в их намерениях. ... Никогда Литва не была в такой мере польской в целом высшем слое своего общества, как первые десятилетия после присоединения её к России». Именно это влияние и стало причиной восстаний 1831 г. и 1863 г. в Литве и Беларуси, «которые покрыли всё наше прошлое могильной плитой, а будущее навсегда закрыли от нас» [3, с. 14–15]. Главная суть проблемы шляхты новоприобретённых земель заключается, по справедливому утверждению исследователя, именно в её самосознании, сохранении в её сознании исторической связи с соседней польской шляхтой. Разорвать эту связь автор предлагает созданием т. н.